

БОГАТСТВО КАЖДОГО ИЗ НАС

Интервью Ю. М. Нагибина

— Юрий Маркович, какое место занимает, как проявляется в вашем творчестве тема человека и природы?

Нагибин. Я никогда не думал об этом, но вот в книге Богатко о моем творчестве прочел, что одним из первых начал писать в экологическом разрезе. Хотя я и слова-то «экология» раньше не знал и ничего специального, намеренного для этого не делал, но, видимо, так и есть: тема «человек и природа» давно пришла ко мне. Взаимоотношения человека и окружающего мира всегда занимали русскую и советскую литературу, хотя порой эта тема звучала подспудно, приглушенно. Но уже в шестидесятые годы она прорвалась ярче, напористей в творчестве Казакова, Астафьева, Семенова и многих других писателей.

У меня же это связано с тем, что в пятидесятые годы я увлекся утиной охотой и стал жадно писать охотничьи рассказы. Писал их много. Помню, это заметили пародисты, а в ироническом «словаре» «Литературной газеты» напечатали: «Вальдшнеп — любимый герой произведений Ю. Нагибина».

Но вот странно: начав заниматься охотой, делом «братоубийственным», я при этом, как никогда остро, почувствовал, что такое природа, как она ценна, дорога и важна. Мой Мещерский цикл не был механическим возобновлением охотничьей темы, хотя в русской литературе охота всегда оставалась темой человеческой. Не достоинства охоты как таковой — охотничьи трофеи, беспощадное убийство (этим пронизаны «Зеленые холмы Африки» Хемингуэя) — занимали меня. Совсем иное — нежность, хрупкость природы, незащитность зеленого и дышащего мира.

Я начал охотиться в то время, когда еще водилась дичь, а сама охота была деревенской — с ночевками на берегу озера, у реки, в стоге сена, с ночным холодом, с комарьем, с увлекательными рассказами у костра. Комфортабельные гостиницы, буфеты, бильярды, телевизоры — все это пришло куда позже, убив романтику охоты. Я занимался, как сказано, утиной охотой, очень редко — по боровой дичи, и никогда не мог поднять ствола на четвероногих животных. Наверное, потому, что они ближе к нам: с птицами у нас меньшая «договоренность», особенно с летящими высоко — они не ощущаются реально, телесно...

— Вот вы, Юрий Маркович, говорите, что охотничья тема в литературе — человеческая тема прежде всего. Что вы имеете в виду?

Нагибин. Меня всегда интересовало, как проявляются на охоте, то есть на природе, человеческие характеры. Мне не раз доводилось видеть, до чего различно поведение человека дома и среди животных и растений и как оно порой не соответствует привычным деловым, бытовым, соседским представлениям о нем. Возникало впечатление, что душа человека не расковывается, а разнуздывается на природе, обнаруживая себя куда полнее, сильнее, а порою и страшнее, чем во всех иных жизненных средах. Есть что-то древнее в том, что человек, взяв ружье, начинает ощущать себя хозяином окружающего мира. Власть над чем-то живым пьянит невоспитанные, со слабым этическим зарядом души. Тормоза отказывают, человек теряет осторожность, помогающую ему жить среди себе подобных, раскрывается с самой неожиданной стороны. Но есть нерасторжимая связь — это отнюдь не открытие Америки — между поведением человека в природе и его гражданской общественной сутью. Были люди, которых я считал высоконравственными в широком общественном смысле, но после охоты, хотя ничего особенно одиозного они не совершали, я видел, что это лжецы, притворяющиеся порядочными, на деле же — хапуги, жадные, безжалостные и безответственные. Они беспардонно лупят по самкам весной, по высоко пролетающим стаям, без толку подранивая птиц, — им наплевать на это, как и на весь окружающий их беззащитный мир природы, им лишь бы насытить свое корыстное, пусто-азартное чувство.

Бывает и другое — человек в городской жизни жесткий, нелюбезный вдруг обнаруживает на природе истинную человечность, даже нежность, он наслаждается пребыванием между небом и водой и не выстрелит зря, никогда не выйдет из нормы и даже не слишком стремится к ее выполнению. Стреляет лишь наверняка, чтобы не делать подранков. И не боится вернуться на базу без выстрела. Такие люди думают о том, что останется после них, соотносят свои охотничьи возможности с природой, которая должна воспроизводиться, жить. В человеке должен быть нравственный императив, налагающий известные обязательства, ограничения, даже если нет прямых запретов. Но, к сожалению, в последнее время этот душевный стержень очень расшатался...

С интересом я наблюдал и за местными жителями. В Мещере бывал по несколько раз в году. Мещерские люди, с одной стороны, практичные, хватистые ремесленники: плотники, столяры, прирабатывающие на стороне,

с несколько ослабевшим крестьянским чувством. Вместе с тем это люди тонкие, с поэтическим восприятием окружающего мира. Они по-своему, очень самобытно называют зверей и птиц: чирок — чиликан, кряква — матерка, красноголовый нырок — шушпан и так далее.

Мой егерь и друг Анатолий Иванович Макаров, фронтовик, человек поразительной силы и чистоты во всем — в семейной жизни, в любви к жене, к двум детям, к окружающей природе, — всегда был для меня и моих спутников примером на охоте. Вот уж кто никогда не брал лишку: как-то незаметно давал нам уроки заботы о будущем этих мест, этих лесов, озер, рек...

И в той же деревне жили два брата, помоложе Анатолия Ивановича, хотя уже «на возрасте», гулливые молодцы, хабарщики, ухари. Они лупцевали по дичи с непонятным озверением. Да и не только по дичи: выпь простонет в воздухе — выпь собьют, сойка зазеваается — по сойке вдарят, голубь налетит — голубя уложат. А ведь не злые, не жестокие парни, но с невоспитанным сердцем, распушенные и напрочь забывшие о том, что деревенские обычно знают и помнят лучше, чем горожане: о нашей связи с природой, о том, что, если не будет природы, зверья, птиц, леса, не будет и нас, что если этот мир зависит от нас, то мы еще больше зависим от него.

— Мещера — это, видимо, ваше заповедное место — и для творчества, и для души. А есть еще особые «географические» привязанности?

Нагибин. Есть такие уголки в Калининской области: в рассказах «На кордоне», «Как скажешь, Аурелио» они узнаваемы. Это Максатиха и Великое под Кимрами. И еще одно — Плещеево озеро. С ним связано тоже немало и творческих моих дел, и сердечных волнений.

На Плещеевом озере я мало охотился, но много рыбачил. Там я прошел через то, чего у меня никогда не было на охоте — через «опыт» браконьерства. Я лучил рыбу. И хотя тогда еще не было запрета, я догадывался, что это занятие сомнительное. Но я изжил это. Как Гете изжил свою любовь к Шарлотте через «Вертера», так я изжил в себе дурной азарт через рассказ и фильм «Ночной гость»...

С рыбами мы еще менее «договорились», чем с четвероногими и пернатыми, поэтому над рыбами человек особенно страшно зверствует. Мы мало знаем о них, а ведь они мудрее, старше нас... Мещера научила меня поведению в отношении птиц, а Плещеево озеро научило поведению в отношении рыб.

Кстати, рыбалку я прекратил, потому что и рыбы, к сожалению, почти не осталось в Плещеевом озере. А ведь там водилась даже «царская рыба» — ряпушка. Сейчас почти все истреблено. И виновато в этом браконьерство не только личное, но и масштабное — хозяйственное.

Я недавно читал статью в газете, где прямо сказано, что Плещеево озеро на исходе. Гибель озера отразится на всей окрестности и даже еще шире. Ведущую роль в уничтожении славного озера играет фабрика цветной киноплёнки. Весной там можно увидеть просто абстракционистскую картину: красные, оранжевые, зеленые, фиолетовые потоки стекают в озеро. И уже перелетные птицы, изменив вековечным своим путям, облетают озеро стороной; но рыбе-то куда деваться, рыба заперта в озерной чаше, полной яда, и рыба гибнет.

А что важнее для жизни народа: фабрика, которая не может нейтрализовать свои отходы, или Плещеево озеро — огромное зеркало пресной воды, что само по себе ценность?

— Юрий Маркович, вы много ездили по свету. Какие впечатления у вас возникли по поводу отношения людей к природе?

Нагибин. Был я, действительно, во многих местах и интересовался, как человек взаимодействует с природой. В общем-то, набедокурил «венец творения» в окружающем мире крепко и повсюду. Не берусь назвать ни одной страны, где бы не существовало проблем, связанных с охраной природы.

В целом царям вселенной похвастаться нечем: плохо охотились, плохо рыбачили и вообще вели себя по отношению к природе как завоеватели... В США практически два-три поколения сумели свести на нет веками формирующийся животный и растительный мир.

Правда, сейчас спохватились. И когда люди всерьез берутся, они добиваются реальных улучшений. В Сиэтле, в США, университет стал коллективным членом общества защитников природы. Студенты много сделали в своей округе.

А вот какие скверные «чудеса» происходят от беспечности и безответственности людей. Дымом, текущим через море из Англии, уничтожалась рыба в Норвежском озере. Норвежцы поначалу понять ничего не могли: закрытый водоем, заботливо оберегаемый, а рыба гибнет. Потом разгадали: ветром с запада наносились дымы от мощного завода и со всеми

отравляющими веществами осаждались на поверхность озера. Норвежцы заявили протест, и англичане закрыли завод. Аукнулось в Англии, откликнулось в Норвегии.

— Чего, на ваш взгляд, недостает у нас в работе по сохранению природы, в чем, по-вашему, уязвимые места в решении проблемы охраны окружающей среды?

Нагибин. Даже не очень внимательный человек может заметить несоответствие между тем, сколько мы говорим о сохранении природы, говорим широко — и в печати, и по радио, и по телевидению, — говорим страстно и поэтично в литературе и искусстве, и тем, сколь малый эффект все эти правильные слова производят. Они так и не стали убеждением каждого, нормой человеческого поведения, иными словами, не проникли ни в сердце, ни в сознание.

Я круглый год живу за городом, и в нашей округе, на Десне, сохранился настоящий лес, в котором и сейчас есть грибы, ягоды, а совсем недавно встречались лоси. Но в последние годы я с ужасом наблюдаю небывалое пикниковое разгулье среди елей, сосен и берез. Приезжает компания, разжигается громадный костер, настолько рослый, что обгорают от искр верхушки соседних деревьев. Без шашлыка, без водки, оголтелого курения такой пикник не обходится, и это почему-то называется отдыхом в зеленом мире. Все загажено: консервные банки, полиэтиленовые мешки, яичная скорлупа, пустые бутылки, мятые пачки сигарет... Лес не успевает отойти от потрясения к следующему «уик-энду».

Все знают, что многие подмосковные, самые коренные растения — ромашка, ландыши, «любка» — ночная фиалка — вымирают, их занесли в Красную книгу, но люди все равно возвращаются из леса с букетами. Полевую герань не донести не только до кувшина в доме — до автобуса, она сразу вянет, но ее рвут, а по дороге выбрасывают букеты... Не могу понять: люди все грамотные, читают, смотрят телевизор, знают о запретах, о «суровых» карах...

Значит, дело не в запрещающих законах, не в наказаниях, какими они грозят. Вообще наказание никогда не было сильным средством в решении какой-то проблемы.

Штрафы, и крупные штрафы, за хамское поведение в природе надо брать — чем больше, тем лучше, но только этим проблему не решить. Надо усилить пропаганду в защиту окружающей среды, вести ее не только пафосно, поэтично, но вдолбить в сознание каждого, что природа — это твоя жизнь, что не могут быть дерево, цветок сами по себе, а ты сам по себе, что, уничтожив природу, сам пропадешь, ибо природа — это воздух, а без воздуха нет жизни. Пора уже понять, что здоровье наше и наших детей полностью зависит от зеленого, голубого, благоухающего, струящегося, цветущего мира, что этот мир может обойтись без нас, а мы без него — никогда. На преодоление упрямой глухоты, душевной невоспитанности, непросвещенности нужно идти, не уставая.

Гласность — серьезное оружие. Неплохо было бы, если б любители неопрятных пикников видели свое изображение в газете, слышали бы о своем позорном поведении по радио. Телевидение может сыграть громадную роль в защите природы. Еще недавно при телевидении существовали пионерские дружины, помогавшие обнаруживать факты грубого нарушения охраняющих природу законов и правил. С помощью такого отряда мне удалось приостановить хищническую порубку нашего леса, которую лесничество выдавало за «санитарную». Почему сейчас ничего не слышно об этих отрядах, хорошо бы телевидение вновь активизировало их деятельность. И вообще, пионеры и комсомольцы могли бы очень много сделать для охраны природы. Они молоды, подвижны, бесстрашны, дело это не только великое, нужное, доброе, но и романтическое. Вот бы куда направить молодую энергию. А второе — государство должно отбросить всякий либерализм в отношении руководителей тех предприятий, которые продолжают отравлять окружающую среду вредными отходами, отделяясь штрафами из государственного кармана. Может быть, нужен показательный процесс, где бы каре предшествовало общественное осуждение, чтобы нарушители почувствовали свой позор. Положение слишком серьезно, чтобы отделяться полумерами.

У природы есть счастливое свойство восстанавливаться, если, конечно, к этому есть благоприятные условия. У меня давно сложилось ощущение, что мир, окружающий нас, еще напрягается против гибели, и надо помочь ему, нужно участие каждого из нас в этом деле. Мы все, независимо от того, чем занимаемся, должны служить охране беззащитной, доверчивой и могучей природы, без которой мы — ничто.